

На следующий день Цин Янь отправился к тете Ли подметать двор. Он еще не успел взять в руки метлу, как она уже с радостной улыбкой распахнула дверь и поманила его войти в дом.

Цин Янь, несколько удивленный, последовал за ней и впервые оказался в ее внутренней комнате, куда обычно заходил редко. В комнате, на горячем кане, стояла большая бамбуковая корзина, внутри которой лежал круглый слой мягких подстилок, и оттуда доносился мелкий, звонкий писк.

Жар от кана был таким сильным, что у Цин Яня сразу выступил пот. Он поспешно снял меховую шапку и теплые варежки, положив их в сторону.

Тетя Ли с улыбкой сказала:

— Раньше я говорила, что отдам тебе цыплят. За последние дни они начали вылупляться. Ты пришел как раз вовремя — выбирай сам!

Цин Янь радостно наклонился, чтобы заглянуть в корзину. Там, на мягкой подстилке, тесно прижавшись друг к другу, бегали пушистые цыплята цвета нежного желтка. Время от времени они клевали крупинки проса. Их было больше двадцати, и каждый выглядел таким милым, что невозможно было оторвать глаз.

Цин Янь, стоя у края кана, потирал руки от радости. Чем больше он смотрел, тем больше светлела его улыбка. Он выбрал трех цыплят и аккуратно положил их в корзину, которую дала ему тетя Ли. Та, покачав головой, недовольно вздохнула и добавила еще шестерых.

— Да вы что, тетя! — торопливо запротестовал Цин Янь. — Высиживать цыплят — это ведь такой труд! День и ночь нужно топить кан. Вы, наверное, полмесяца так работали, а ведь сейчас цыплята стоят дорого. Я не могу взять столько, это несправедливо!

Тетя Ли хлопнула его по руке:

— Что ты, ребенок! Ты же говорил, что считаешь меня родной теткой. Почему тогда так церемонишься? Я сказала — бери, значит, бери!

Ее слова звучали как упрек, но лицо продолжало светиться улыбкой. Она и сама знала, как трудно дались эти цыплята — вставать на рассвете, заботиться, поддерживать тепло в кане. Все это отнимало силы.

Но для соседской семьи тетя Ли ничего не жалела. Она никогда не ждала от них благодарности, зная, что эти двое детей всегда помнят о ней, приносят подарки и часто помогают по хозяйству.

Цин Янь, и без слов понимая, какой труд был вложен в этих малышей, чувствовал особую

благодарность. А тетя Ли отдавала цыплят с чистым сердцем, зная, что этот заботливый мальчик — настоящий драгоценный помощник.

Поскольку она так сказала, Цин Янь лишь молча кивнул, принимая этот дар. Тетя Ли с облегчением улыбнулась, но тут вдруг что-то вспомнила и сказала:

— Ах да, через пару дней ваша сестра Лань вернется. Тогда вы с Хэнянем приходите к нам поужинать.

Цин Янь не сразу ответил. Он задумался на мгновение, а затем мягко возразил:

— Тетушка, лучше мы не будем беспокоить вас. Сестра Лань нечасто приезжает домой, пусть ваша семья проведет время вместе, без лишних гостей.

Тетя Ли настаивала:

— Да что ты, вы ведь не чужие. Лань всегда считала Хэняня младшим братом, она тоже захочет вас увидеть.

Но Цин Янь остался тверд:

— Муж сестры Лань тоже приедет, верно? Наши семьи, конечно, близки, но Хэнянь все же посторонний мужчина...

Он не стал заканчивать мысль, но тетя Ли все поняла. Ее зять редко приезжал домой и был почти незнаком с Хэнянем. В такой ситуации лишние подозрения могли только все усложнить. «Меньше проблем — лучше жизнь», как говорили в народе.

Тетя Ли нахмурилась, но кивнула:

— Ты прав, я и правда об этом не подумала. Спасибо, что напомнил.

Цин Янь улыбнулся, чтобы разрядить обстановку:

— Ужинать мы не будем, но я обязательно загляну и поболтаю с сестрой Лань.

Тетя Ли сразу повеселела:

— Договорились!

Закончив подметать двор, Цин Янь завернул корзинку с цыплятами в ватник, чтобы защитить их от холода, и аккуратно отнес домой.

К этому времени Цю Хэнянь уже успел проснуться и заняться хозяйством. Он точил кухонные ножи, топор и ножницы, которые за год использования основательно затупились.

Цин Янь, довольный, поставил корзинку в доме и позвал его:

— Смотри, что я принес!

В их доме не было кана, поэтому Цин Янь постелил в корзинку мягкую подстилку из ваты и поставил ее на низкую скамейку у горячей стены, чтобы цыплятам было тепло.

Он сел на корточки и заглянул в корзинку, внимательно осматривая ее обитателей. Цю Хэнянь вытер руки и подошел, чтобы тоже посмотреть.

— Это от тети Ли, — Цин Янь нежно погладил малышей по мягким головкам, излучая радость.
— В следующем году, когда потеплеет, они начнут нестись, и у нас будут свежие яйца.

Чистая и изящная рука Цин Яня с длинными и тонкими пальцами, нежно скользила по мягкому желтому пуху цыпленка, что подчеркивало ее белизну и утонченность.

Он сидел на корточках, спиной к Цю Хэняню. Когда он вошел в дом, верхнюю одежду уже снял, а шея, открытая взору, казалась изящной и ослепительно белой. На нем был тонкий ватный жилет, который в этой позе натягивался на талии и спине, подчеркивая стройную фигуру. Хотя Цин Янь был худощав, линия его бедер выглядела округлой и полной.

Долгое время Цин Янь не слышал от мужчины никакой реакции и, недоумевая, повернул голову, чтобы взглянуть. Их взгляды встретились: глубокий, словно темный омут, взгляд Цю Хэняня был устремлен вовсе не на цыпленка, а прямо на него.

Щеки Цин Яня мгновенно залились румянцем. Мужчина тут же отвел глаза и, как будто опомнившись, сухо произнес: «Мм». Цин Янь прикусил губу и медленно повернулся обратно, стараясь унять смущение.

После этого в комнате повисла тишина, нарушаемая лишь мягким, хрупким писком цыплят.

Прошло некоторое время. Лишь услышав удаляющиеся шаги за спиной, Цин Янь осмелился подняться и с бешено колотящимся сердцем бросился на кровать, где зарывшись в одеяло, начал кататься туда-сюда, издавая сдавленные стоны.

«Его взгляд... будто он собирался меня съесть», — пронеслось у него в голове.

□□.....

После обеда Цю Хэнянь вновь зашел к тете Ли, чтобы одолжить тележку, и вместе с Цин Янем отправился в город.

Дорога до города была не близкой, но шла намного легче, чем подъем в горы. Цин Янь то шел пешком, то сидел на тележке, и добрался до места без особой усталости.

Дом прежнего владельца тела находился именно в этом городке, но для Цин Яня это был первый визит сюда. Город оказался совсем не таким, каким он себе представлял. Война закончилась лишь несколько лет назад, и северные земли, прилегающие к границе, только начали приходить в себя. Однако приближался Новый год, и рынок был оживленным и шумным.

Цин Янь смотрел по сторонам, испытывая искреннее любопытство, глаза разбегались от разнообразия. Более того, над головами прохожих плавали слова, скапливаясь в плотные ряды. Привыкнув к этому зрелищу, он даже находил его забавным.

Видя, как радостно Цин Янь реагирует на происходящее, забывая свою застенчивость, Цю Хэнянь оставил его в покое, позволив свободно осматривать улицы.

Сначала они направились к мясной лавке. Обычные лавки торговали только свининой, иногда можно было встретить баранину или мясо осли, а вот говядина почти не продавалась — правительство строго запрещало убой рабочих быков для защиты сельского хозяйства. Эта лавка была особенной: здесь продавалось практически все виды мяса, а также копчености, вяленое мясо и колбасы. Это была крупнейшая и самая богатая мясная лавка в округе.

Цю Хэнянь оставил тележку у входа в лавку, а Цин Янь, присматривая за вещами, остался ждать снаружи. Было самое теплое время дня, и стоять на солнце было приятно. Цин Янь прикрыл глаза, наблюдая, как Цю Хэнянь о чем-то разговаривает с помощником. Вскоре к ним подошел полный мужчина средних лет, похожий на хозяина заведения. Втроем они еще какое-то время беседовали, после чего хозяин, следуя за Цю Хэнянем, направился к тележке.

Цин Янь спрыгнул с тележки и вовремя снял мешковину, показывая хозяину и помощнику тушу оленя. Хозяин внимательно осмотрел добычу, переверачивая ее туда-сюда, и, издав два громких «тц-тц», восхищенно воскликнул:

— Великолепный экземпляр, размер немалый!

После этого он обернулся к помощнику и велел принести весы. Цю Хэнянь поднял тушу и подвесил на большой железный крюк внизу весов. Хотя хозяин был толстым, силы ему было не

занимать — с красным от натуги лицом он рывком оторвал целого оленя весом более ста катти (около 60 кг) от досок тележки.

— Сто сорок восемь катти, округлим, как насчет ста сорока пяти? — прищурился глаза, предложил хозяин, обращаясь к Цю Хэняню.

Цю Хэнянь покачал головой:

— Сколько весит, столько и есть. Пусть будет сто сорок восемь.

Хозяин не обиделся и улыбнулся:

— Хорошо, пусть будет сто сорок восемь, ни катти меньше.

В это время его маленькие глаза заметили под мешковиной что-то яркое и разноцветное. Это оказался горный фазан, который, видимо, заскучал и высунул голову наружу. Хозяин оживился:

— Он живой! Да вы посмотрите, какой крепкий, перья блестят, тело в идеальном состоянии. Давайте так: я добавлю двадцать вэнь и куплю у вас этого фазана.

Цю Хэнянь взглянул на Цин Яня. Тот изначально не планировал продавать фазана, думая поддержать его какое-то время дома. Однако в хозяйстве уже были маленькие цыплята, и он боялся, что дикая птица окажется слишком агрессивной и навредит молодняку, а если за ней плохо следить, то она может улететь. Поразмыслив, он решил, что придется расстаться с фазаном.

Цю Хэнянь ответил:

— Двадцать монет не годится. Моему супругу с трудом удалось поймать этого фазана. Даже в вашем большом магазине вряд ли часто увидишь такую птицу живой.

Только тогда толстый босс, наконец, внимательно посмотрел на Цин Яня. Увидев его лицо, он слегка опешил, а затем быстро перевел взгляд на Цю Хэняня, чье лицо было наполовину покрыто шрамами. Когда он снова вернулся к Цин Яню, на его лице промелькнуло явное сожаление.

Однако, как делец, привыкший встречать самых разных людей, он тут же сменил выражение, заметив, что лицо Цин Яня стало угрюмым. С улыбкой он произнес:

— Ладно, за этого дикого фазана я дам вам сто вэнь. В следующий раз, если у вас будет что-то хорошее, приносите ко мне. Договорились?

Цин Янь мысленно подсчитал и решил, что это немало. Он слегка кивнул Цю Хэняню, соглашаясь на сделку. Таким образом, дело было решено.

Фазан был продан по довольно высокой цене, но толстый хозяин магазина, похоже, все равно остался в выигрыше. Сейчас петушинные бои среди простого народа весьма популярны, и, вероятно, этот толстяк тоже был любителем такого развлечения.

Толстый босс дал им в общей сложности двадцать пять лян серебра и двести вэнь, причем лишние сто монет — это за рыбу, которую он тоже решил выкупить.

Он хотел было попросить у Цю Хэняня оленью кровь, но Цю Хэнянь объяснил, что подстрелил оленя в лесу, и пока его нашли, кровь вся вытекла. Толстый хозяин только сокрушенно вздыхал.

Когда они покинули мясную лавку, Цин Янь украдкой спросил у Цю Хэняня, почему тот не продал оленью кровь толстому боссу. Цю Хэнь спокойно пояснил:

— Продать кровь аптеке выгоднее, цена там будет лучше.

И действительно, когда Цю Хэнянь вернулся из аптеки и вручил Цин Яню мешочек с деньгами, тот прикинул на вес — оленья кровь оказалась совсем не дешевой.

Дни, проведенные в горах, выдались тяжелыми, но доходными. Если бы не приближающийся Новый год, Цин Янь, пожалуй, решил бы остаться там еще на несколько дней. Однако, думая об обмороженных ногах Цю Хэняня, которые лишь начали заживать, он решил, что спешить с заработками незачем. Они ведь еще молоды.

Сжимая в руках тяжелый кошель, Цин Янь чувствовал, как на сердце становится легче. Он быстро прикинул в уме: под кроватью дома уже лежало пятнадцать лян серебра, а несколько дней назад Цю Хэнянь передал ему деньги за железные изделия, проданные до Нового года, — получилось ровно восемьдесят лян. Если не считать мелкие медные монеты, то с сегодняшними тридцатью лянами у них теперь всего сто двадцать пять лян серебра.

Эта сумма не была богатством, но для деревни означала весьма обеспеченную жизнь. Неудивительно, что Ван Хэяо так упорно мечтал о кузнице.

Вообще-то, за последние годы Цю Хэнянь должен был накопить приличное состояние, но, когда он унаследовал дом и дело Кузнеца Вана, он счел, что остался в долгу перед его братьями. Поэтому время от времени он посылал им деньги и подарки.

Еще одной крупной статьей расходов стала свадьба. Цин Янь до сих пор не знал, сколько серебра Цю Хэнянь заплатил мачехе прежнего хозяина его тела. И даже спрашивать боялся — вдруг сердце прихватит.

После того, как супруги продали добычу, они направились в лавку зерна и масла, чтобы приобрести немного риса, муки, масла и приправ. Скоро Новый год, поэтому нужно было докупить яйца, конфеты, семечки и арахис. Кроме того, они собирались купить чернила, золотую пудру и красную бумагу, чтобы дома написать новогодние двустушия.

Они также решили зайти в книжную лавку, чтобы посмотреть, не продаются ли там дешевые подержанные книги.

Цин Янь, обсуждая с Цю Хэнянем, что еще нужно купить, вдруг ощутил, что кто-то издали пристально смотрит на него.

На оживленной улице имена людей мелькали столь хаотично, что их путаница казалась даже более захватывающей, чем лица их обладателей. Среди этих имен одно задержалось у входа в питейное заведение и, словно следуя движениям своего владельца, слегка покачивалось в его взгляде, направленном в их сторону.

В тот момент, когда Цин Янь разглядел имя, его сердце тревожно екнуло. Не раздумывая, он развернулся, вскочил на тележку и юркнул под одеяло.

Цю Хэнянь, который толкал тележку, удивленно остановился и бросил взгляд в сторону питейного заведения. Однако из-за потока прохожих ничего подозрительного он не заметил.

— Что случилось? — тихо спросил он, остановив тележку.

Из-под одеяла раздался дрожащий голос Цин Яня:

— Я... Я боюсь незнакомцев.

Боязнь незнакомцев, которая то появляется, то исчезает. Цю Хэнянь мысленно задумался: «...».

Тем временем человек у входа в питейное заведение больше не колебался. Он начал двигаться в их сторону. Его фигура была тонкой и изящной, на нем был традиционный наряд ученого. Лицо этого человека на 2 трети напоминало лицо Цин Яня.

Этот человек был не кем иным, как младшим сводным братом Цин Яня по отцу, Юй Цинси.